

*Доктор философских наук,
доцент кафедры философии
Саратовской государственной академии права
М. В. Шугуров
Саратов*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Одной из примечательнейших особенностей XX века стала заинтересованность и даже озабоченность культурного метасознания таким социокультурным феноменом, как толерантность. Как таковая толерантность, а также те или иные проблемы, с ней связанные, возникли в человеческом сообществе довольно-таки давно – в период становления цивилизации и перехода от архаического противопоставления «мы – они» к «экономическому освоению человека» и далее – к межкультурному диалогу.

Однако только сейчас толерантность стала выходить на первый план в качестве должного принципа организации человеческого сообщества на всех уровнях его структуры. В толерантности как в универсальной, значимой форме отношения к иным (чужим) ценностям, смыслам, установкам и т. д. усматривается не только желательный тип поведения, но и в некоторых случаях – императив. На наш взгляд, в толерантности ни в коем случае нельзя усматривать только лишь факультативную, духовную, или – духовно-практическую установку, не лишенную рациональных и даже мистических предикаций, ибо это еще и особая культурная технология существования, простирающаяся от повседневных приемов и методов вплоть до искусства, граничащего с гениальностью.

Несмотря на то, что толерантность – это некая способность и одаренность человека, в ней помимо дара прослеживается и плод неимоверных усилий предшествующих поколений, пришедший к нам из прошлого в виде коренящейся в сопереживании традиции, взаимного претерпевания друг друга. Интерес к генезису, развитию, содержательной архитектонике (на уровне межличностного общения, взаимодействия культуры с природой, отношений между различными культурами и т. д.) не может заслонить того факта, что толерантность обладает, помимо технологической, еще и *институциональ-*

ной стороной. В роли института она граничит с институтом частной собственности, институтом прав человека и т. д., и выступает даже в качестве их первоосновы, обнаруживая одним из фундаментальных элементов признание, *комплиментарность*, а не просто – терпимость. В этой связи у ставшего практически интернациональным слова «толерантность», вероятно, имеются большие преимущества по сравнению с русским словом «терпимость». В русской «терпимости» больше вынужденности, необходимости, но не свободы. Вероятно, по причине неупоминания элемента изящной комплиментарности, в российском менталитете и происходят амбивалентные всплески – отрицание чужого и заискивание перед ним, что отнюдь не способствует на уровне этноса работе механизмов культурной идентификации. Следует признать, что в разных культурах толерантность конституируется и интерпретируется по-разному (взять хотя бы китайскую классификацию отношений с другими государствами). Но тем не менее на институциональном цивилизационном уровне здесь больше сходств, чем различий.

Было бы весьма ограниченным рассматривать воздействие принципа толерантности исключительно в рамках взаимоотношений государственно-оформленных сообществ и их культур. Особенность текущего момента – в том, что обнаружилась неоднократность и даже мера разнообразия в тех или иных мега- и макросообществах. Существующее ныне «гигантское» внутреннее разнообразие ценностей, стилей жизни и т. д. актуализирует микроуровень функционирования толерантности. Если в прежних культурах явственно проступал доминантный смысловой центр и столь же заметным образом очерченная периферия, то ныне подобная иерархия стирается и расплывается, с одной стороны, облегчая свободное бытие человека, с другой – затрудняя его. В современной культуре, состояние которой иногда квалифицируется как кризисное, нарастает число изгибов, лакун, и одновременно остается все меньше и меньше высоких культурных практик. Огромное разнообразие граничит порой с тяготением к аутизму и замкнутости, а становящееся мультикультурным и экстериориальным гипотетически единое человеческое существование неожиданным образом оборачивается появлением множества гра-

ниц в рамках индивидуального человеческого существования. Иными словами, возникает проекция толерантности в ранее постулируемом в качестве гомогенного «индивидуальном» бытии. Но, с другой стороны, именно мультиперсональность пробивает брешь в индивидуальности, освобождая индивидуальность. Другое дело – до какой степени может продолжаться подобное расслоение? Следует признать, что *индивидуальный полистилизм* создает не только проблемы в мире отдельного человека, но и проблемы в макросообществе.

Как и в каком режиме люди могут относиться к поступкам друг друга, если ныне образуется нечто удивительное – существование в мультикультурном (внешнем и внутреннем) контексте? Ключом к решению подобной практической проблемы опять же являются ресурсы и потенциал толерантности. Последняя не столько суть откладывание решения проблемы со-существования инаковостей, сколько способ ее решения.

Вопрос о совмещении несовместимого всегда находился в центре самосознания социокультурных технологий. (Кстати говоря, помимо агрессии по отношению к чужому, даже в природе имеются механизмы по его инкорпорации). Именно толерантность приводит к существенному расширению круга взаимодействий и взаимоотношений в рамках человеческого сообщества, что фиксируется и закрепляется далее в актах институционализации. Можно сказать, что толерантность всегда работает на перспективу и, выступая подвижной социокультурной инновацией, стремящейся всякий раз отвечать духу времени, наполняет конкретно-историческим содержанием инвариантное ядро гуманизма.

Нельзя не отметить, что нынешняя институционализация толерантности вполне отвечает существующим в культуре сценарным, дивергентным способам самоидентификации человека. Нетипичность как общий горизонт различных способов самоидентификации не вызывает сегодня ужаса и не ассоциируется со своеволием, самоуправством и т. д., хотя моменты анархичности здесь несомненно прослеживаются. Стоит признать, что в рамках нетипичности, с которой культурное самосознание ныне соглашается, идентичность не столько обретается (хабиитуализируется, осваивается), сколько поки-

дается. Человек ныне, погружаясь в маргинально-профанные с эффектом, конечно же, вторичной сакрализации, зоны культуры, как бы нехотя, несмотря на весь активизм поиска, откладывает результативную «проидентифицированность». Азартное перескакивание с одной идентичности на другую, игровая переливчатость форм жизнедеятельности – такова перелицовка фаустовского начала европейской культуры, напоминающей более среду для существования Фигаро, который все познал, все испытал, но так ни на чем и не остановился. Другое дело, что подобную торопливость диктует сам современный культурный процесс, перемещающийся из русла обретения безопасности в русло постмодернистской культивации экзистенционального риска. Размытость границ в процессе перехода от одной роли к другой навевает образ Плута, остающегося в конце концов наедине с пустотой. Проходящие по ткани той или иной субъективности водоразделы не только порождают проблему ответственности, но и венчаются вопросом – а необходимо и естественно ли такое многообразие? Выдержит ли его нагрузку человеческая экзистенция? Ведь для того, чтобы быть ответственным субъектом, надо уметь отдавать себе отчет в своем состоянии или по крайней мере – хотя бы в том, в каком состоянии в настоящее время мы сейчас пребываем. Тем самым при критическом осмыслении современной толерантности как *всеядности и полного принятия всего* – вплоть до самых невероятных и дерзких выходов – образуется поле для продумывания пределов отождествления толерантности и тотального принятия всего и вся.

Исходя из инвариантного ядра гуманизма, ориентирующего на возвышение и развитие человека, можно констатировать, что современные внутренние проблемы толерантности возникают не столько на основе легитимации полисубъектного характера бытия человеческого сообщества, сколько на основе полиидентификационной сверхизбыточности, во многом тормозящей итоговую развитость и основательность каждого человека. У этого вопроса есть и другая сторона: при подобном расширении толерантности невозможна ее институционализация, т. е. обеспечение, например, правовыми гарантиями. Увлечение каруселью идентичностей приводит человека к ис-

ключительному сосредоточению на себе и к толерантно-безразличному отношению к другим. Реальным же человеческим отношениям не всегда присуща такая толерантность. Последняя – измерение всего лишь тех или иных отношений. Вместе с тем толерантность – это *минимум*, необходимый для того, чтобы даже некоторое негативное отношение состоялось. Думается, что расширительное истолкование толерантности, утрачивающей от этого некое внутреннее единство содержания и единство форм, – симптом наступления поверхностной природы человеческих отношений, так называемой «игры в ку-ку». «Учтливое безразличие» – обратная сторона не складывающихся во всей их экзистенциальной глубине межчеловеческих отношений, сопровождающихся и явным дисбалансом – провозглашением веротерпимости и нетерпимым отношением к природе.

Ведя свое происхождение от веротерпимости, предполагающей разновекторный религиозный состав общественной организации, толерантность по своему содержанию не сводится только к ней, выступая принципом, благодаря которому возможна культурно-социальная самоорганизация. Как таковая самоорганизация невозможна вне и помимо особой predisposedности субъектов к контактам. Если проникнуть еще глубже – в смысловую ткань духовности общества, – то толерантность выглядит и как условие синергии плюралистичной по своей природе смысло-ценностной ткани. Ноо- и семиосфера – несомненное поле действия технологий толерантности. Однако в культуре как ауре взращивания смыслового измерения степень терпимости гораздо выше, чем в социуме, хотя чисто внешне может показаться наоборот: несмотря на открытый конфликт и противостояние различных смысловых систем, велика доля их тайной гармонии и их заинтересованности друг в друге. В социуме же столкновение интересов материального или властного плана насыщено большими степенями несовместимости, отчего ради самосохранения институт толерантности так или иначе действует принудительно, вынужденно, компромиссно. В демократических обществах толерантность нуждается в подкреплении различными процедурами: одного духовно-смыслового признания здесь явно недостаточно.

В контексте сказанного вырисовывается рефлексивная по своему замыслу задача представления архитектуры толерантности. Данная архитектура вполне может быть предметом дискуссий, в которых главное – не потерять из виду саму уже культурно обоснованную и спонтанно существующую толерантность и «толерантное» отношение как к ней вообще, так и к ее различным формам в частности. Толерантность как реальный принцип, как социокультурная технология и институция не может существовать без заключения конвенции относительно ее состава и структуры, что является вполне значимым для конструирования ее исторических форм. Такие вопросы, как «что считать толерантностью?», «на что ее распространять?», «в каких сферах жизнедеятельности уделять ей первоочередное внимание?» и т. д. – безусловно как показатель остроты потребности общества в согласии, так и свидетельство заостренности социокультурного метасознания на возможных технологиях ее удовлетворения.

Становление оптимального сочетания различных форм толерантности (признания, согласия, безразличия, дистанцированности, принятия, снисходительности, критической вовлеченности) не всегда происходит легко. Каждый исторический период задействует общие и особенные толерантные технологии, по-своему решая задачу *приведения* извечного многообразия к *единству*. Накопленный опыт подобного приведения через обращение к нему содействует решению тех или иных конкретно-исторических задач, вследствие чего сама толерантность не может рассматриваться в качестве предмета антикварного любопытства. Актуализация имеющегося культурного опыта и создание новых направлений толерантных технологий могут быть объяснены и тем, что современное необыкновенное разнообразие незаметным образом «убирает» границы, не только разделявшие, но и соединявшие отдельные культурные миры, создавая эффект соприкосновения, перерастающего в пеструю мешанину («складчатость»), в преобладающем контексте «всеядности» которой то тут, то там появляются паузы неприятия и нетерпимости.

Расширенный диапазон разговора о толерантности ни в коем случае не должен оставить в тени вопрос: «А что же

нам, собственно говоря, делать с интолерантностью?» Терпимость, принятие некоего X априорно всегда означает неприятие некоего Y : человеческое восприятие локально и ограничено, и здесь ничего не поделаешь. Принятие всего и вся либо нарочито и вычурно, либо поверхностно и наивно: мы не можем, даже если бы очень захотели, принимать все подряд – артефакты высоких культурных практик и иррациональные демарши и глупые выходки. У толерантности есть пределы, за которыми – нетерпимость и тяготение к разрыву. Развитые толерантные технологии лишь смягчают последствия разрыва, стремясь осуществить его мягко и безболезненно.

На наш взгляд, толерантность – это особая технология решения проблемы нетерпимости, имеющей амбивалентную направленность. По отношению, например, к злу наиболее рациональна нетерпимость, по отношению же к слабостям, чудачествам более рациональна терпимость. Предлагаемый нами «технологический» подход к толерантности основан на вполне конструктивных возможностях либо создания, либо восстановления мощного контекста актов первосовместимости, в рамках которого нетерпимость утрачивает свой разрушительный потенциал. Иначе говоря, *установка на терпимость* побуждает искать и утверждать сублимированные формы нетерпимости. От данной установки исходит и мощный импульс преобразования, исправления, коррекции, дополнения того, что вызывает наше недовольство.

Следует осуществить рефлекссию в отношении того нюанса, что толерантность и интолерантность не являются моментами неиссякаемой бинарной оппозиции: толерантность включает некоторые моменты нетерпимости. Верно и другое – толерантность задает интолерантности как мощнейшему поглотителю положительной энергии пределы и ограничения, притормаживая разрушительные импульсы. Что происходит в обществе, в котором институционализированы, т. е. переведены с уровня индивидуальных навыков на уровень интерсубъективной применимости, наиболее перспективные толерантные технологии? Такое общество динамично развивается, пока не столкнется с исчерпанностью конкретно-ис-

торических форм толерантности и форм сублимации интолерантности (игровая вовлеченность, состязания, карнавалы, диспуты и т. д.). Таким образом, не следует питать особых иллюзий насчет установления «вечного мира» и согласия: ткань толерантности прерывиста. Убеждение в возможности воцарения непрерывной толерантности – утопия. Поэтому для того, чтобы минимизировать разочарования и кризис существования как таковой, следует стремиться к динамичной терпимости. Толерантности иногда может быть слишком много, особенно тогда, когда она ассоциируется с благодушием. Однако при этом утрачивается чувство реальности, как и она сама, поскольку начинает осуществляться утопическое вынесение за скобки такого субстанционального начала реальности, как сопротивление. На наш взгляд, толерантность должна предполагать, предусматривать и даже сохранять данный момент реальности – допускать иное. Именно эта способность ориентирует ее на некие собственные проективные ресурсы, которые совершенно не окажутся излишними при встрече с новыми гранями сопротивляющейся реальной среды – как природной, так и культурной. Проективные возможности толерантности необходимо постоянно наращивать и архивировать, превосходить уже реализованное, с тем, чтобы не оказаться врасплох перед ее провалами, ибо толерантные технологии – это искусство адекватного применения тех или иных конкретных и насущных ее форм. Динамизм толерантности предполагает пересмотр ее метафизических и трансцендентальных оснований. Действительно, если субъект будет исходить из трансцендентной сферы смыслов и ценностей, то его конфликт с сущим и его неприятие – несомненно! В своем неприятии он может дойти до отрицания самих этих принципов. Это наводит на мысль о том, что толерантность должна базироваться на идейных основаниях, в становлении которых мы принимаем участие, тогда как высокие идеи, имеющие характер откровения, должны составлять не горизонт цели, а горизонт идеала. Усмотрение внутритактических подпроблем толерантности позволяет оценить ее не с точки зрения некой постпроблемной ситуации, а с точки зрения особого режима отыскания форм, что позволяет маневрировать перед лицом постоянно угрожаю-

щей интолерантности и сохранять возможности продуктивных взаимоотношений.

Ориентация на инновационный стиль толерантных технологий во многом снимает напряжение от консервативного неприятия того, что выходит за рамки традиции. Коль скоро инновационность становится духом культуры, то это не может не сказаться и на конструировании новых толерантных технологий, к которым также следует относиться терпимо. Как правило, критическая граница проходит между общепринятым в той или иной традиции здравым смыслом и некой смысловой новацией. Критическая граница может проходить и внутри традиционно сложившегося комплекса смыслов, включающего религию, философию, науку, искусство и т. д. Нетерпимость, высказываемая то прямо, то в виде иронии, действует на основе той или иной традиции: то, что соответствует традиции в той или иной мере радикальности, вызывает смешанное чувство, но чаще – неприятие, поскольку составляет некую угрозу сложившемуся порядку. Однако неприятным, т. е. не оправдывающим надежды, может стать и вполне традиционное. В этой связи под углом зрения проводимой здесь идеи о балансе форм внутри толерантных культурных технологий следует более взвешенно подходить и к взаимодействию инвариантного и вариативного в их составе. Уже само это нацеливает на осознанную работу, поскольку одних только дарованных оснований терпимости – солидаристских механизмов, чувства общности, полуинстинктивных мотивов поддержки – здесь явно недостаточно. На наш взгляд, культура – это не только культивация смыслов, но и культивация особой среды их существования – со-существования. Мы предлагаем интерпретировать толерантность как особую технологию «отыскания контекста», что говорит о ней не как о статичном отношении, а как о динамичном усилии-процессе. Ведь почему тот или иной феномен неприемлем? Да потому, что он либо «выбился» – не вписан в контекст – либо потому, что его контекстуальную соотнесенность мы не воспринимаем.

Наиболее перспективной областью прорабатывания толерантности служат нерационидные действия и феномены. В настроении негодования их можно прогнать, но ... они вся-

кий раз возвращаются (например, вытесненные желания). С точки зрения разума есть некие нелегитимные явления. Как разуму обходиться и поступать с ними? Не стоит забывать и о слабых сторонах самого разума, наталкивающегося на необъяснимые в его координатах тайны. Сюда же можно отнести и его неосмотрительность, и его леность. Для того, чтобы разуму оставаться самим собой, а человеку – разумным, – просто-напросто необходима *толерантная позиция* как особое мироотношение, ориентированное на время. Темпоральность толерантности означает экзистенциальный фон ожидания, восстановления и творчества. Мы лишь конструируем темпоральные формы, в рамках которых тот или иной феномен находит и прорастает в свой контекст. Те или иные маргинальные смыслы, ютящиеся в нелегитимных зонах, требуют с нашей стороны терпеливой настроенности, дабы продемонстрировать свой запаздывающий во времени контекст. Иные смыслы недопустимы и неприемлемы не столько сами по себе, сколько из-за нашего нетерпеливого удостоверения их неконтекстуальности. Однако страх пустоты, находящейся за оградой традиции, – не лучший союзник толерантности. Динамично развивающаяся толерантность – всегда поиск новых форм взаимодействия (именно – взаимодействия, а не дискриминации) с нетипичным здесь и сейчас.

И последнее. Особый характер современных культурных и цивилизационных процессов актуализирует вопрос об «обратном присвоении» отчужденных институциональных форм терпимости конкретными личностями. Индивидуальные формы терпимости и ее индивидуальное существование как такое – залог не декларативного, а реального бытия. Здесь велика роль образовательных и воспитательных, т. е. социализирующих технологий, которые должны строиться на праве выбора каждым именно своего ракурса толерантного бытия и видов толерантности.